

УДК 947
ББК 63.3(2)51

В.Н. Кузнецов

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И ОСОБЕННОСТИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

Дана периодизация процесса модернизации Российской империи в XIX в. На примере Северо-Западного района России рассматриваются основные факторы, субъекты, особенности и противоречия модернизации в экономической и социокультурной сферах общественной жизни.

Ключевые слова:

историография, теория модернизации, промышленность, социально-экономическое развитие, национальная экономика, буржуазная реформа, промышленная революция, капиталистические отношения, земельная собственность

В последние полтора десятилетия российские исследователи для объяснения специфики отечественной истории нового и новейшего времени используют модернизационную теорию, разрабатываемую в западной историографии с 1950–1960-х гг.¹ Примечательно, что первыми начали ее освоение и применили для изучения проблем исторического развития нашей страны философы, политологи, экономисты и культурологи². С не-

которым запозданием, на рубеже XX–XXI веков, начали осваивать данную макротеорию историки. В настоящее время историография отечественной модернизации включает уже не только опубликованные ими отдельные статьи, сборники, но и фундаментальные монографии³, а также целый ряд диссертационных исследований, выполненных с применением модернизационного анализа. Правда, в качестве объекта исследований авторы диссертаций избрали либо отдельные, узкие направления модернизации (совершенствование материально-технической базы промышленности и железнодорожного транспорта, социальную модернизацию), либо государственную политику по модернизации российского общества, либо вызванные ею качественные изменения в жизнедеятельности и образе жизни крестьянства, дворянства и купечества⁴.

Думается, что столь трудное усвоение историками теории модернизации можно объяснить «методологическим индефферентизмом» (по выражению Н.А.Проскуряковой) и узкой специализацией большинства профессиональных историков⁵. В самом деле, в России большинство историков традиционно специализируется на исследовании отдельных отраслей исторической науки – экономической, политической, военной истории, истории культуры и т.д. А между тем для исследования такой сложной проблемы, как отечественная модернизация требуется комплексный, цивилизационно-формационный (модернизационный) подход. Кроме того, овладению исследовательскими приемами и методами, характерными для сторонников современных западных концепций, препятствовали (и препятствуют) известные особенности отечественной историографии, такие, как: приоритетное внимание ученых к исследованию социальных общностей (классов, сословий и т.д.), политических и социально-экономических процессов и явлений, «идеологизация и политизация исторической науки», негативизм по отношению к некоторым периодам отечественной истории и историческим персоналиям⁶. При таком подходе гуманитарные, социальные, психологические и интеллектуальные аспекты модернизации российского общества, образ жизни, особенности менталитета отдельных людей и социальных групп оказывались вне поля зрения ученых.

В первые постперестроечные годы вслед за философами и культурологами образовавшуюся теоретическую лакуну принялись активно заполнять историки, исследуя вопросы истории повседневности, специфики менталитета городских слоев населения, крестьянства, купечества⁷. При этом, не обошлось без перекосов, фактического продолжения курса на узкую специализацию и преодоления «белых пятен». Разумеется, в этом нет ничего предосудительного. Разработка узких направлений модернизации и частных вопросов не только желательна, но и необходима. Однако вряд ли стоит фокусировать внимание только на социальных и социокультурных аспектах модернизации, упуская из поля зрения экономическую, социальную, политико-правовую сферы общественной жизни. Хорошо известно, что на современном этапе развития исторической науки фундаментальные теоретические обобщения и выводы рождаются при комплексном,

системном подходе к изучению исторического процесса и на стыках смежных гуманитарных дисциплин.

Сознавая сложность рассматриваемой проблемы и ограниченность объема публикации, мы не претендуем на полное исследование всех аспектов пореформенной модернизации Северо-Западного района. К тому же отдельные вопросы избранной темы раскрыты в работах автора, что облегчает нашу задачу⁸. Цель данной статьи состоит в том, чтобы дать периодизацию капиталистической модернизации, рассмотреть ее характерные особенности на примере Северо-Запада⁹ и сделать выводы, актуальные для современного этапа развития Российской Федерации.

Капиталистическая модернизация¹⁰, по нашему мнению, являлась естественным продолжением длительного, противоречивого модернизационного процесса, начатого реформами Петра I и продолженного его преемниками. Она включала следующие крупные периоды: предреформенный (протоиндустриальный) период (начало XIX в. – 1850-е гг.) – время создания предпосылок капиталистической модернизации. В этот период машинное производство получило относительно широкое распространение в текстильной и, отчасти, металлообрабатывающей промышленности. Под влиянием Петербурга в столичной губернии, особенно, в ее ближних уездах в этот период все больше распространялась оброчная форма эксплуатации крестьянства, но товарно-денежные, рыночные отношения еще не играли сколько-нибудь заметной роли. Социальная модернизация шла медленно и затронула в основном лишь верхи городского населения из числа дворянства, чиновничества и интеллигенции.

Для второго, пореформенного раннеиндустриального периода (1860-е гг. – начало XX в.) характерно широкое разветвление процесса модернизации в Петербурге, а вслед за ним и в других регионах Российской империи. При этом внутри данного периода выделяются два этапа. Первый этап (1861–середина 1880-х гг.) характеризовался относительно свободным развитием капитализма, расширением масштабов и углублением капиталистической модернизации. Второй этап (конец 80-х гг. – начало XX в.) отмечен усилением вмешательства государства в частнохозяйственную деятельность. Он характеризовался возникновением большой социальной дифференциации и острых противоречий между европеизированным меньшинством высших и части средних городских слоев, с одной стороны, и православно-русским, мещанским и крестьянским большинством населения Петербурга, с другой стороны. Закономерным следствием обострения этих противоречий и первой попыткой их разрешения явилась первая российская революция. После нее процесс капиталистической модернизации продолжался, но, в конечном счете, был прерван Октябрьской социалистической революцией.

В конце 1850-х годов Северо-Западный район, включавший Санкт-Петербургскую, Новгородскую и Псковскую губернии, занимал площадь более 178 тыс. кв. верст, на которой проживало 2 млн 590 тыс. жителей. Из них примерно 20% проживали в Санкт-Петербурге, 7% в других городах,

73% (1 млн 900 тыс. человек) жили в деревне и в основном занимались сельским хозяйством. Что касается Северо-Запада в целом, то его территория (с учетом 3 северо-западных и 3 северных губерний) занимала обширное пространство в 1390 тыс. кв. верст, население составляло 4 млн 65 тыс. чел. Из них в городах Северного района жило лишь 5% населения. Около 75% сельского населения проживали в южной и юго-западной части Европейского Севера, более благоприятной для экстенсивного сельского хозяйства. Значительная часть северян была занята рыбным, зверобойным, пушным, лесным и другими видами традиционных промыслов¹¹.

Особенности пореформенной модернизации на Северо-Западе были обусловлены рядом общих (политических, экономических, социальных и духовных) и специфических местных факторов. При этом динамика и темпы развития Санкт-Петербургской, Новгородской и Псковской губерний во многом зависели от таких специфических факторов: близость к столице с ее большим торгово-промышленным, культурным, научным потенциалом и «административным ресурсом», наличие удобных путей сообщения общегосударственного значения с развитой транспортной инфраструктурой.

Социально-экономическое развитие Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний также в значительной степени определяли местные условия: обширная равнинная территория, суровый климат, высокая лесистость, большое число озер и рек, текущих на север в сторону от центров страны. Многие российские исследователи считают, что в целом географические и природно-климатические условия Европейского Севера были недостаточно благоприятными для его развития. Такое мнение верно лишь отчасти. Влияние природно-климатических факторов на экономическое и социокультурное развитие отдельных территорий не следует преувеличивать. Следует иметь в виду, что недостатки природной среды в определенных условиях могут переходить в достоинства, и, наоборот, достоинства – в недостатки. Скажем, неблагоприятные для развития аграрного сектора Санкт-Петербургской губернии природно-климатические факторы в пореформенный период не оказывали большого влияния на развитие крестьянских и помещичьих хозяйств, так как у местного крестьянства всегда имелась возможность найти дополнительный заработок в динамично развивающемся Петербурге. Точно также значительная часть крестьянства Северо-Запада, не имея возможности прокормиться за счет скудных урожаев, еще в дореформенный период традиционно искала дополнительных заработков на стороне, в том числе в Петербурге.

После крестьянской реформы начала 60-х гг. XIX века этот процесс укоренился и распространился на новые территории. Столица подобно магниту стягивала крестьянство ближних и дальних губерний на промышленные предприятия, городское строительство, обслуживание городской инфраструктуры. О масштабах этого явления свидетельствуют следующие данные. В 1900 г. население Петербурга увеличилось до 1248 тыс. человек, в том числе на 69% за счет мигрантов и на 31% – за счет естественного прироста уроженцев города. Согласно данным переписи 1900г. 97% общего

числа мигрантов поселились в городе 30–40 и более лет назад, 11,5% – 2–3 года тому назад, 18,4% – 10–20 лет назад, 41,9% менее чем 10 лет назад и 15,9% приехали в Петербург в 1900 г.¹²

Говоря о влиянии местных природно-климатических факторов на социально-экономическое развитие региона, стоит отметить, что на Европейском Севере существовали свои особенности, оказывавшие влияние на образ жизни и черты характера местного населения. Как заметил по этому поводу один дореволюционный исследователь, на облик и поведение северян, наряду с суровыми природными условиями, «...оказали большое влияние пользование самоуправлением, почти полное отсутствие крепостного права, занятие морскими промыслами, торговые сношения с иностранцами, частое посещение северянами других стран и тесные связи с Петербургом...» Все это «произвело в здешнем народе необыкновенную для крестьянского сословия развитость, предприимчивость, отвагу»¹³.

Специфические факторы, связанные с географическим положением и природно-климатическими условиями Северо-Запада, разумеется, действовали и раньше. Однако в дореформенный период их влияние было менее заметным, поскольку, как было сказано, предпосылки капиталистической модернизации, прежде всего сложились в Петербурге и близлежащих уездах. В пореформенный период ситуация резко меняется в связи с существенным изменением экономической политики, обусловленным ею распространением рыночных отношений в городе и деревне и воздействием других факторов социально-экономического развития региона значительно ускорилось, утратив относительно плавный, предсказуемый характер. Не останавливаясь на характеристике общих, геополитических, и природно-климатических условий (факторов) Северо-Запада, которые достаточно подробно освещены в исторической литературе, в том числе и специальных работах автора¹⁴, ограничимся лишь их упоминанием и подробнее остановимся на менее известных специфических социальных и социокультурных факторах, оказавших существенное влияние на социально-экономическое развитие и общественные отношения в регионе.

Одним из главных факторов модернизации Северо-Западного района являлась, как было сказано, близость Санкт-Петербурга. Накануне реформ 60–70-х гг. XIX в. он занимал особое положение в Российской империи. Петербург был не только административным центром, ведущим внешне-торговым портом, крупнейшим торгово-промышленным городом страны, но и научной и культурной столицей европейского уровня, «культурным мостом» между передовой индустриально развитой частью Западной Европы и отсталой феодально-крепостнической и патриархальной Россией. Возвышению и развитию северной столицы во многом способствовало ее удобное расположение на стыке внутренних и внешних путей сообщения России, развитая транспортная инфраструктура, система рек и каналов, связывающих Петербург со многими внутренними губерниями Европейской России.

Второе обстоятельство, которое необходимо принимать во внимание для понимания феномена модернизаторской роли Петербурга, состоит в специфике формирования и социально-демографической структуры его населения. Из литературы известно, что изначально новая столица была основана Петром I как европейский город, открытый для торгового, научного и культурного общения с Западом. Поэтому в отличие от других городов России состав его населения всегда был многонациональным, включал значительную прослойку иностранцев, выходцев из ведущих стран Западной Европы. Кроме того, определенное модернизирующее влияние на исследуемые губернии некоторые соседние промышленно-развитые российские области, такие как: Великое княжество Финляндское, Прибалтийский район, включавший Эстляндскую, Лифляндскую, Курляндскую губернии, а также Норвегия (для Мурмана). Следует также учитывать, что на территории столичной, Псковской, Архангельской, Олонецкой губерний постоянно проживали и занимались предпринимательской деятельностью иностранные подданные (англичане, бельгийцы, норвежцы и т.д.), а также финны, латыши, эстонцы и другие «инородцы» – подданные Российской империи, являвшиеся субъектами модернизации. Правда, степень модернизационного влияния на русское население названных иноплеменных субъектов модернизации, живших по соседству или внутри массы русского населения, не стоит переоценивать. Дело в том, что в тот период они и сами находились еще на относительно невысоком уровне хозяйственно-экономического развития по сравнению с жителями Петербурга и подстоличных уездов, не говоря уже о населении ведущих западноевропейских стран. В данном случае речь может идти скорее не о прямом, а косвенном влиянии названных народов на хозяйственную практику коренного русского населения, выразившемся в ускоренном втягивании его в товарно-рыночные отношения после крестьянской реформы 1861 года.

Что касается немцев, англичан, французов и других носителей передовых европейских методов хозяйствования, то они уже в дореформенный период составляли значительную прослойку в Петербурге и оказывали значительное влияние на различные стороны общественной жизни, хозяйственной практики, культурно-бытовые условия его населения. Правда, удельный вес иностранцев не оставался неизменным, увеличиваясь или сокращаясь в разное время в зависимости от государственной политики и других факторов. Если в конце XVIII века из 220 тыс. постоянных жителей иностранные подданные составляли 25 тыс. человек (т.е. около 11%), то в начале пореформенного периода их удельный вес в составе городского населения составлял 17%. К 1869 г. удельный вес иностранцев сократился до 15%. Тем не менее, их абсолютное число составляло внушительную цифру в 93 675 человек (то есть выросло более, чем в 3 раза по сравнению с концом XVIII века). В пореформенный период количество иностранных подданных заметно сократилось. В 1881 г. в столице проживало 27,8 тыс. иностранцев (около 3%) К концу XIX в. их число уменьшилось до 23,8 тыс. чел. (1,6%)¹⁵. Забегая вперед, на примере Петербурга скажем, что модерни-

зирующее влияние на различные стороны общественной жизни региона иностранных субъектов модернизации было многоплановым и противоречивым. Хотя теоретически конечной целью капиталистической модернизации должно было быть обновление системы управления, хозяйствования, трансформации общественных отношений в России по образцу и подобию ведущих капиталистических стран Западной Европы, на практике получилось иначе.

Модернизация с разной скоростью и результативностью шла в экономике, общественном и домашнем быту, духовной сфере. Относительно успешно и быстро внедрялись новации в экономике, особенно, в ведущих отраслях столичной крупной и средней промышленности (в машиностроении, металлообрабатывающей, химической и электротехнической промышленности), на транспорте, в кредитно-финансовом деле, но медленнее – в торговле, мелкой и кустарной промышленности. Значительно медленнее и противоречивее она протекала в социальной и, особенно, в духовной сфере общественной жизни. Если в культуре, деловой практике и быту новации получали относительно широкое распространение, то психология, менталитет человека, а тем более социальных групп, трансформировались с большим трудом. Охотнее и быстрее западноевропейские социокультурные стандарты и этические нормы перенимали высшие классы – дворянство, чиновничество и крупная буржуазия, чаще других сословий бывавшие за границей и поддерживающие тесные деловые и личные связи с иностранцами, и медленнее – средние городские слои. Еще медленнее и труднее протекал процесс трансформации ментальности пришлого крестьянского населения. В других городах Северо-Запада модернизационные процессы протекали в основных сферах общественной жизни гораздо медленнее, чем в имперской столице.

Под влиянием промышленной революции, бурно протекавшей в передовых странах Западной Европы в конце XVIII – начале XIX века, а также в связи с вышеупомянутыми преимуществами столичного статуса и географического положения Петербурга, введение здесь новой техники и технологии началось раньше, чем в других городах. Широкое применение вольнонаемного труда с дореформенного времени способствовало формированию костяка высококвалифицированных кадров. Причем, рабочий класс Петербурга в значительной мере пополнялся за счет крестьянства центральных и северных нечерноземных губерний (Тверской, Ярославской, Архангельской, Вологодской, Олонецкой и др.), прибывающих с начала XIX века в город на заработки в связи с расширением оброчной системы.

Важным условием, способствующим развитию процесса модернизации, был достигнутый еще в дореформенный период высокий уровень образования, значительно превосходивший общероссийский уровень. Если в начале 60-х гг. XIX в. более половины его жителей были грамотными, то под влиянием реформ в сфере образования, расширения сети образовательных учреждений и масштабов обучения грамотность петербургского населения обоюбого пола в возрасте 6 лет за 1869–1900 гг., по данным Б.Н.Миронова, возросла с 60 до 70%, тогда как грамотность всего населе-

ния Европейской России в возрасте старше 9 лет увеличилась с 19 до 33%, в том числе сельского населения – с 16 до 27%. Среди взрослого населения неграмотных было вдвое меньше, чем в среднем по России. В 1863 г. в городе было 33 средних учебных заведений (гимназий, реальных училищ). В начале 90-х гг. их насчитывалось уже 177. Всего же в это время в Петербурге было 662 учебных заведения, в которых обучалось 65 404 чел., в том числе 8021 обучалось в вузах, 26 013 – в средних и 2137 – в элементарных учебных заведениях. Жители, имеющие среднее образование, составляли в начале XX века почти 10% взрослого населения, что значительно превышало этот показатель по другим крупным городам¹⁶.

Другим важным условием, способствовавшим быстрому экономическому развитию города, было также то, что Петербург являлся культурным и научным центром страны, и что особенно важно, центром научно-технической мысли и технического прогресса. Благодаря этим и другим обстоятельствам, Петербург, наряду с Уралом и Центром, в середине XIX в. являлся самым крупным экономическим районом¹⁷.

После буржуазных реформ 60–70-х г. XIX века темпы развития промышленности значительно ускорилось в связи с расширением внутреннего рынка, приливом русского и иностранного капитала, казенными заказами и государственными субсидиями столичным промышленникам, развитием внешней торговли, а также развитием парового флота и железнодорожного сообщения. В то же время, тесное вовлечение российского рынка в систему мирохозяйственных связей сделали столичную экономику чрезвычайно зависимой от колебаний мировой конъюнктуры и экономических кризисов. Кроме того, в первые пореформенные десятилетия Петербург переживал не лучшие времена в связи с развитием транспортной инфраструктуры и формированием новых и усилением старых экономических районов в Центре и на окраинах России. В частности, после открытия железнодорожного сообщения с Варшавой, Ригой, Либавой (Лиепайей), он утратил монополию как единственный торговый посредник между Западной Европой и остальной Россией. Заметно ослабило торгово-промышленное значение Петербурга появление новых промышленных районов на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Закавказье и Туркестане.

Однако, несмотря на эти обстоятельства, Петербург на протяжении всего пореформенного периода сумел не только сохранить прочные позиции, но и укрепить ведущее положение в важнейших сферах национальной экономики. Деловая элита Петербурга достаточно гибко реагировала на внешние вызовы. Так, утратив преимущество в международной торговле, она компенсировала потери во внутренней торговле и в других видах предпринимательской деятельности. Хотя в связи с развитием железных дорог и конкуренцией причерноморских и прибалтийских портов экспорт через столичный порт в 1868 г. уменьшился до 32% всех вывозимых из России товаров, а импорт – 27%, а в 1900 г. экспорт составлял уже – 14%, а импорт – 21% ко всему ввозу товаров¹⁸, в пореформенный период Петербург превратился в крупнейший порт на внутренних водных коммуника-

циях. В 70-е гг. XIX века в столице выгружалось более трети всех товаров, отправляемых по внутренним водным путям (в 1876 г. из всего объема перевозок по воде 467 млн пудов на долю столицы приходилось 154,9 млн пудов). К 1896 г. привоз в Петербург по Неве возрос до 249,6 млн пуд, что в несколько раз превышало привоз в другие крупнейшие порты России¹⁹.

Превращению в крупнейший центр передовой капиталистической промышленности способствовал приток русских и зарубежных капиталов. Здесь было сосредоточено 20% иностранных капиталов, вложенных в российскую промышленность. Многие предприятия принадлежали иностранцам, в других решающую роль играл иностранный капитал.

Вследствие указанных и других обстоятельств количество фабрик и заводов за пореформенное сорокалетие увеличилось почти в 5 раз (с 355 в 1866 г. до 2041 в 1900 г.), а сумма их производства возросла более чем в 7 раз (с 53 064 до 375 540 тыс рублей)²⁰. Правда, в связи с вышеупомянутой конкуренцией к началу XX в. Северо-Западный район оказался на третьем месте после Московского района, превосходившего его по производительности в 3 раза, и Привисленского, превышавшего по сумме производства лишь на несколько миллионов рублей²¹. Тем не менее, уступая позиции конкурентам в традиционных видах предпринимательства, Петербург успешно наверстывал потери в финансово-кредитном и акционерном предпринимательстве.

В конце XIX в. Петербург превратился в ведущий финансово-промышленный центр страны. В нем действовали 13 банков, из которых 7 числились в десятке крупнейших в России (для сравнения: в Москве действовали 7 банков, из которых 2 числились в десятке крупнейших), баланс петербургских банков в 4 раза превышал баланс московских. При этом баланс столичных банков составлял 58% в балансе всех акционерных банков России. Из действовавших к 1914 г. акционерных компаний 28% имели правления в Петербурге, 20% – в Москве, 5% – в Варшаве, 5% – в Киеве и губернии, 2% – в Риге и Лифляндской губернии²².

Капиталистические отношения, хотя и медленно, но проникают и в аграрную сферу, подрывая основы феодально-крепостнического строя. Под их воздействием натуральное крепостное хозяйство в северо-западном регионе с начала XIX в. трансформируется в рыночно-крепостническое. Это проявлялось, в частности, в переводе помещиками крепостных на оброк или смешанные виды повинностей (накануне реформы 1861 г. их выполняли 64,1% от общего числа крепостных крестьян Северо-Запада), в усилении масштабов отходничества и крестьянских промыслов²³.

Природные, климатические и почвенные характеристики Северо-Запада, как уже было сказано, не способствовали развитию земледелия. Систематически повторяющиеся на протяжении столетий неурожаи и традиционно низкая урожайность зерновых культур обусловили превращение в первой половине XIX в. северо-западных губерний в район мясо-молочного животноводства и производства технических культур, льна и картофеля, преобладание кабально-отрабочных форм крепостного хозяйства, большие масштабы промыслового отходничества крестьянства, а также широ-

кое распространение общинной формы собственности на землю (в нач. XX в. 97,7% всех крестьянских земель при средней по России – 83,4%)²⁴.

Усиление сельскохозяйственной специализации и рыночной ориентации стимулировалось, в свою очередь, воздействием динамично развивающегося промышленно-капиталистического Санкт-Петербурга и транспортной инфраструктуры. Возрастающие потребности города в рабочих руках, минеральном сырье и материалах, а также наличие в регионе большого числа лесов (в 1897 г. от 38% до 77% на Севере от всей площади)²⁵, разнообразных стройматериалов, в свою очередь, ускоряли процесс перехода на товарно-денежные отношения помещичьи и крестьянские хозяйства сначала подстоличных, а затем и других уездов Северо-Запада.

Большие сдвиги происходили в социальной сфере Северо-Запада. Если в сословной структуре личной земельной собственности региона в 70-е гг. XIX в. дворяне занимали ведущее положение (66,9%), затем шли купцы (15,2%), крестьяне – 12,2% (остальные 5,7% земельной собственности приходилось на прочие сословия)²⁶, то в последующие десятилетия XIX в. под влиянием развития капитализма удельный вес дворянства среди частных землевладельцев резко снижается (с 67,5% в 1877–1878 г. до 40,8% в 1905 г.), тогда как доля крестьянства за то же время увеличивается с 74,6 до 80,1%. Незначительно возрастает также доля купечества и других сословий. Исключение составила Олонецкая губерния, где купеческая доля увеличилась с 1877 по 1887 гг. с 33,7 до 71,7%. В целом же к началу XX в. основная масса дворян Северо-Запада утратила 40,8% земли и 11% владений (по Европейской России эти показатели составили соответственно 11,3% и 4,6%). Дворянское земледелие в Вологодской губернии в начале XX в. составило лишь 0,7% от всего земельного фонда²⁷. Большинство помещиков не сумели адаптироваться к рыночным условиям, заложило имения и землю в кредитных учреждениях. Незначительная же часть помещиков-латифундистов (в основном в Петербургской и Псковской губерниях) занимались предпринимательством: увеличивали объемы сбора хлебов, картофеля, расширили посевы льна, продавали или сдавали в аренду крестьянам лесные участки, сенокосы и пашню.

Вторая половина XIX в. стала временем формирования крестьянской земельной собственности в регионе. Северо-Запад занимал второе место после Центрально-Промышленного района по размерам земли в личной собственности крестьян (931 тыс. десятин) и третье место по численности личных владельцев (32 228 чел.). Среди таких крестьян-собственников 41 человек были настоящими латифундистами: на каждого из них приходилось по 2832 десятины купчей земли (в то время как средний размер покупки земли составлял 28,9 дес.). Однако прослойка зажиточного крестьянства (более 10 десятин на ревизскую душу) была относительно не велика (4%), чуть больше была группа наименее обеспеченных (менее 3 дес.), что свидетельствует об отсутствии ярко выраженной дифференциации размеров душевого надела, значительном влиянии общинных порядков и консервативности крестьянской ментальности²⁸.

В 1900 г. в столице имелось 16 542 торгово-промышленных предприятий. При этом из торгово-промышленного оборота в 1 млн 250 тыс руб. на долю торговли приходилось около 70% (87 130 руб). Но на удовлетворение нужд местного населения шло лишь 60% торгового оборота, 15% приходилась на обслуживание прилегающих районов (Петербургская, Новгородская, Олонецкая, Псковская губернии, ближайшие местности Финляндии и часть Московской области) и 25% – на внешнюю торговлю²⁹.

Значительно медленнее, чем в экономике, происходили изменения в социальной и духовно-нравственной сферах, образе жизни и менталитете населения Петербурга. Относительно легко и быстро европейские культурные, политические и социально-культурные стандарты усваивались высшими слоями общества – дворянством, чиновничеством, интеллигенцией, предпринимательской элитой. Средние городские слои «европеизации» поддавались уже труднее. Пришлое крестьянское население Петербурга было не только самым многочисленным, но и наименее восприимчивым к переменам городским слоем: оно в массе своей не только не желало овладевать городскими стандартами поведения, но и сдерживало процесс капиталистической модернизации петербургского населения в целом. Исключение составляли верхний и частично средний слои предпринимателей – выходцев из крестьян, которые в пореформенный период относительно быстро европеизировались и «обуржуазивались».

Ослабление традиционного и формирование нового менталитета, по мнению петербургского историка Б.Н. Миронова, происходили, с одной стороны, стихийно, под влиянием новых условий жизни, а, с другой стороны, образованное общество и правительство намеренно принимали многообразные меры (создавали клубы, общества трезвости, читальни, народные библиотеки, изобретали даже новые праздники и т.п.), чтобы изменить традиционное мировоззрение народа. Но, несмотря на эти меры, изменения происходили медленно, вследствие инерции, свойственной всем традиционным установкам сознания, и благодаря поддержке традиционного менталитета широкими слоями русской интеллигенции, и, наконец, в связи с сопротивлением сельских мигрантов в городе проникновению в свою среду светской буржуазной культуры³⁰. Как образно заметил по этому поводу дореволюционный исследователь В. Михневич, пришлое население, являясь в Петербург «...из разных местностей России и сплываясь, временно или постоянно, в отдельные группы, по занятиям и промыслам, усвоенным искони каждой из этих местностей, очень долго и упорно сохраняет свои местные бытовые этнографические особенности. Быть может, наибольшая оригинальность Петербурга заключается в том, что огромное большинство его жителей – торговая и промышленная масса – не ассимилируется и, живя иногда целый век здесь, чрезвычайно редко отрешается от родного пепелища, свято храня все его обычаи и весь житейский склад»³¹.

Многие исследователи обратили внимание, что в пореформенные десятилетия пришлое крестьянство не смешивалось с городским населением,

предпочитая быть среди земляков. В Петербурге существовали общества взаимопомощи уроженцев тех губерний, которые давали наибольшее число отходников в столицу – Олонецкой, Вологодской, Костромской, Рязанской, Тамбовской, Архангельской, а отходники из Ярославской губернии имели даже три благотворительные организации³².

Тем не менее, нельзя утверждать, что крестьянство в пореформенный период оставалось невосприимчивым к новациям. Во время пребывания в Петербурге крестьяне знакомились с городскими стандартами мышления и поведения, приобретая в городах «умственность» (рациональность и расчет) взамен традиционных крестьянско-православных нравственных ценностей. Однако по возвращении на родину в деревню, крестьяне-отходники встречали осуждение общиной (крестьянским миром) новых взглядов и вынуждены были в дальнейшем придерживаться сложившихся требований и традиций. В итоге длительной и бескомпромиссной борьбы, по мнению Б.Н. Миронова, крестьянская община сумела выстоять под напором буржуазного, городского менталитета. В ответ на чуждые влияния города сельские общины усилили свое вмешательство в жизнь крестьянских семей, «...предпринимая изощренные меры для сохранения контроля над ними, что замедляло разрушение традиционной крестьянской культуры». В итоге, в начале XX в. не только менталитет крестьян-отходников, но и «...рабочих (за исключением сравнительно небольшого слоя так называемых сознательных рабочих) оставался в рамках традиционных крестьянских представлений»³³.

Более заметно, по сравнению с крестьянами, трансформировался менталитет городских сословий – мещанства и купечества. Но и он не приобрел, в конечном счете, черт, характерных для большинства населения ведущих капиталистических стран Европы. Как справедливо считает Б.Н. Мионов, «крестьянская концепция справедливого общественного устройства и способов ее достижения была принесена в город крестьянами и, естественно, усвоена рабочим классом»³⁴.

Таким образом, в начале XX века процесс социальной модернизации петербургского населения в связи с усиливающимся противодействием традиционной православно-русской культуры затормозился, так и не достигнув зрелых форм западноевропейского типа. В результате верхние европеизированные слои Петербурга оказались заложниками крестьянской стихии, а обострившиеся к этому времени острые социальные различия и противоречия привели столице к известным революционным потрясениям начала XX века.

Капиталистическая модернизация имела и негативные последствия. Одним из них явилась высокая степень эксплуатации рабочего класса на фабриках и заводах. Экономическое положение и уровень жизни петербургских рабочих в пореформенный период было нелегким. Его усугубляли общие для всего российского рабочего класса условия: отсутствие цивилизованного трудового законодательства, дешевизна рабочей силы, грубость нравов в предпринимательских кругах и бешеная погоня за прибылью, характерная для молодого российского капитализма. Единствен-

ным сдерживающими производ предпринимателей факторами являлись религия, патриархально-общинные традиции, еще сохранившиеся в отношениях между фабрикантами российского происхождения и рабочими, а также прозрачное «попечение» властей о нуждах последних. Попечительство проявилось еще в дореформенный период и касалось социально-бытовых и социально-культурных сфер жизни рабочих на отдельных казенных и частных предприятиях.

Зарплата петербургских рабочих была сравнительно выше, чем в других рабочих центрах, однако в своей основной массе они находились в тяжелом материальном положении. Реальная зарплата постоянно сокращалась из-за бесчисленных штрафов, злоупотреблений при начислении зарплаты, задержки ее выдачи. Тяжелые условия труда и одновременно рост сознательности рабочих толкали их на путь протеста, на борьбу против предпринимателей.

С конца 1870-х годов власть усиливает контроль за частнопредпринимательской деятельностью с целью регулирования трудовых отношений. Видное место в разработке законодательства сыграли петербургские предприниматели. В январе 1884 г. они обратились к градоначальнику с просьбой о запрещении ночного труда женщин и подростков в связи с сокращением текстильного производства и увольнениями рабочих. Однако Московское отделение Совета торговли и мануфактур выступило против предложений конкурентов. Поэтому предложение петербуржцев не было поддержано правительством. Однако вспыхнувшие в 1884–1885 гг. беспорядки на фабриках Московской и Владимирской губерниях, заставили в конечном счете принять ряд законов, ограничивающих производ предпринимателей. При подготовке фабричного законодательства изучался и использовался аналогичный опыт западноевропейских стран, особенно Германии. Однако буржуазное начало в русских законах соседствовало с пережиточными положениями. Фабричное законодательство несло на себе печать грубых примитивных форм эксплуатации, господствовавших в стране (продолжительный рабочий день, низкая зарплата, широкое распространение сверхурочных работ, штрафов и др.).

Завершая вопрос об издержках и противоречиях модернизации, следует сказать, что они проявлялись также в большой скученности населения, самой высокой в России смертности, алкоголизации и других характерных признаках раннеиндустриальной модернизации. Причинами являлась густота населения и связанные с нею вредные последствия для здоровья человека скопления людей. Главные факторы повышенной смертности населения в Петербурге, особенно среди пришлого крестьянства, лежали в перенаселенности жилищ, в развитии пауперизма, алкоголизма и проституции, в существовании в городе большого числа вредных для здоровья профессий, в том, что санитарные и гигиенические условия жизни горожан, включая водоснабжение, удаление нечистот, борьбу с фальсификацией пищевых продуктов и заразными болезнями, находились длительное время на весьма низком уровне.

Справедливости ради следует сказать, что городская власть многое делала для смягчения негативных последствий развития капитализма. В результате этого с 1864 года начала снижаться смертность (с 38,7 случаев на 1 тыс. жителей до 27 в 1884–1892 гг.), а с 1885 г. число рождений превысило число смертей, т.е. начался естественный прирост населения. Как показали результаты всероссийской переписи 1897 г. среди жителей города мужчин было больше, чем женщин на 10% (в других европейских странах соотношение было обратным). 65% жителей составляли люди в рабочем возрасте (в европейских столицах – 55%). Рождаемость составляла 27 чел. на 1000 жителей в год, а смертность – 25 чел. на 1000 жителей³⁵.

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что в пореформенный период Санкт-Петербург играл уникальную роль в социально-экономическом и культурном развитии России, выполняя сразу несколько функций. Во-первых, он выполнял свою изначальную культурно-историческую миссию «окна в Европу», был посредником, связующим звеном между передовой, промышленно-капиталистической Западной Европой и отсталой, патриархально-крестьянской Россией, активным проводником европеизации страны, во-вторых, являлся законодателем и инициатором буржуазных реформ и, в-третьих, был полигоном, образцовой «подопытной площадкой», где ближние и дальние регионы могли заимствовать опыт реформирования экономики, социальной и духовной сфер общественной жизни.

Современная Россия вновь переживает период либеральных рыночных реформ. Правда, тон и направление в наше время задает Москва. В результате непродуманных реформ, вместо построения правового демократического государства с развитой рыночной экономикой, динамичного индустриального роста и общественного прогресса, Россия получила глубокий промышленный спад, резкое социальное расслоение, катастрофическое падение жизненного уровня большинства населения страны, сращивание государственных и мафиозных структур, тяжелую криминогенную и демографическую ситуации и, как следствие, снижение авторитета власти.

Особое недовольство у людей вызывала политика форсированного насаждения рыночных отношений в жестком варианте («шоковая терапия»). Она привела к разочарованию значительной части населения в ценностях демократии и рыночной экономики. В то же время за годы реформ сформировалась рыночная инфраструктура, выделился большой слой предпринимателей («бизнесменов») – носителей либеральной идеологии и психологии, большинство из которых в своей деловой практике нарушают законы и общепринятые нормы поведения. Этим они еще больше настраивают широкие слои народа против рыночной экономики и предпринимательства.

Тем не менее, издержки и просчеты радикального реформаторства не могут служить основанием для отказа от рыночной экономики и демократических институтов. Как свидетельствует мировой опыт, рыночные реформы, одобряемые большинством народа и проводимые в соответствии с эффективной экономической политикой, стимулирование деловой активности людей дают возможность выйти из кризиса и обеспечить устойчи-

вое социально-экономическое и духовное развитие страны. Однако для этого необходимо соблюдать одно неперемutable условие: проводить преобразования с учетом культурных традиций и конкретно-исторических условий развития своей страны. Петербург, по нашему мнению, способен дать пример установления цивилизованных отношений в сфере трудовых отношений, утвердившихся в большинстве развитых стран Европы.

¹ Подробнее см.: Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР, 1990. – С. 194–207; Проскуракова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. – С. 153–165 и др.

² См.: Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993, № 7. – С. 40–56; Красильщиков В.А., Белоусов А.Р., Гутник В.П., Клепач А.Н., Кузнецов В.И. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. – М., 1994. – С. 6–20; Ковалев С.Г. Модернизация России: особенности осуществления, пространство альтернатив. Концептуальный подход. – СПб., 1995; Ахиезер А.Р. Россия. Критика исторического опыта. Т.1. От прошлого к будущему. – М., 1997; Малыгин К.Г. Модернизация России в XX веке. Анализ опыта. – Ростов-н/Д., 1997; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998; **Опыт российских модернизаций. XVIII – XX вв. – М., 2000**; Зарубина Н.Н. Хозяйственная культура как фактор модернизации. Автореф. дис. д.ф.н. – М., 2000. – С. 6–12; Тафаев Г.И. Российская цивилизация в условиях модернизации. – Чебоксары, 2000; Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. – С. 3–27; Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М., 2001; Красильщиков В.А. Опыт догоняющего развития (на примере стран Латинской Америки и Восточной Азии): Автореф. дис. д.э.н. – М., 2002. – С. 3–7; Пантин В.И. Волны и циклы социального развития: цивилизационная динамика и процессы модернизации. – М., 2004. – С. 169–191; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006 и др.

³ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.): В 2 т. – 2-е изд. Т. 1. – СПб., 2000; Россия в условиях трансформаций. Историко-политологический семинар. Материалы. Выпуск 7. – М., 2001; Арсентьев Н.М. Национальное предпринимательство и модернизация России // Гуманитарий. 2001. № 2. – С. 22–25; История России. Теоретические проблемы. Выпуск 1. Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения. – М., 2002; Сапоговская Л.В. Промышленная политика в контексте российской модернизации XVIII – начала XX в. // **Уральский исторический вестник**. – Екатеринбург, 2002. № 5–6. – С. 236–264; Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003, № 5. – С. 5; Волков В.В. Межформационная модернизация экономического строя России в XIX – начале XX века. – Тверь, 2004; **Керров В.В. Се человек и дело его...** Конфессиально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. – М., 2004 и др.

⁴ Зосимчук В.Н. С.Ю. Витте и модернизация России (1892–1903): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ярославль, 1998; Сущенко В.А. Предпринимательство на трех этапах российской модернизации (вторая половина XIX – XX вв.): **общее и особенное в исторической судьбе: Автореф. дис. д-ра ист. наук.** – Ростов н/Д, 2002; Шебзунова Т.А. Крестьянство Северного Кавказа в условиях рыночной модернизации России (60-е гг. XIX – начало XX вв.): **опыт системного анализа: Автореф. дис. д-ра ист. наук.** – М., 2002; Векшин Ю.А. Социально-экономическая политика В.Н. Коковцова в контексте модернизации: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Челябинск, 2004; Курков К.Н. Российское дворянство в контексте модернизации в начале XX века (экономические и социокультурные аспекты): Автореф. дис. д-ра ист. наук. – М., 2004; Крот М.Н. Консервативный вариант модернизации России во второй половине XIX века. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Ростов-н/Д., 2004; Маркушина О.В. Промышленность Саратовской губернии в условиях капиталистической модернизации середины XIX – начала XX вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саратов, 2005; Рябая С.А. Модернизация промышленности Удмуртии накануне и в годы первой мировой войны (1910-е – февраль 1917 гг.): Автореф.

дис. канд. ист. наук. – Ижевск., 2006; Андреев В.В. Московско-Казанская железная дорога в конце XIX – начале XX вв.: **Модернизационный фактор в экономическом развитии региона**: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саранск, 2007.

⁵ Проскурякова Н.А. Указ. соч. – С. 154.

⁶ Миронов Б.Н. Указ. соч. Т. 1. – С. 14–15.

⁷ Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). – М., 1996; **Ментальность россиян** (Специфика сознания больших групп населения России). – М., 1997; Рыкина Г.С. Московское купечество в конце XIX – начале XX столетия: **образ торговца-предпринимателя и его ментальные особенности**: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1999; Дубодел А.М. Трудовая мотивация и образ российского предпринимательства: история и современность: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саранск, 1999; Кошман Л.В. Русский город в XIX веке: **социокультурный аспект исследования**: Автореф. дис. д-ра ист. наук. – М., 2001; Брянцев М.В. Русское купечество: **социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII – начале XIX вв.**: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2001; **Лямин С.К. Менталитет населения прединдустриального города 1860–1870-х гг.** (По материалам Тамбова): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2003; Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX – начале XX века. **Социально-бытовой аспект**: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Саранск, 2005 и др.

⁸ Кузнецов В.Н. Петербургское купечество пореформенного периода: особенности трансформации облика и образа жизни // История российского быта. Материалы Четырнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. – СПб., 1999. – С. 31–34; Его же. Роль Петербурга в капиталистической модернизации Российской империи в пореформенный период (1860–1890-е гг.) // Гуманитарные науки и гуманитарное образование. Сборник статей Санкт-Петербургского института гуманитарного образования. – СПб., Береста, 2003. – С. 99–111; Его же. Особенности социально-экономического развития Северо-Запада России во второй половине XIX века // **Экономические проблемы в истории России и пути их решения**. Материалы XXVII Всероссийской заочной научной конференции. – СПб., 2003. – С. 43–47; Его же. К вопросу о периодизации и динамике капиталистической модернизации в России (1860–90-е гг.) // Записки Горного института. Т. 163. – СПб., 2005. – С. 77–79.

⁹ Северо-Запад рассматривается здесь в широком смысле слова. Его территория примерно совпадает с территорией современного Северо-Западного региона (за исключением Калининградской области). В исследуемый период в его состав входили не только Северо-Западный район, включавший Новгородскую, Псковскую, имперскую столицу и С-Петербургскую губернию (в границах 1897 г.), но и Северный район, состоявший из Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерний. Расширяя территориальные рамки исследования, мы исходили как из географической близости и известной схожести природно-климатических и социально-экономических условий упомянутых районов, так и особой роли Петербурга в развитии не только этих, но и других российских регионов. Реформационные процессы, рожденные в результате капиталистической модернизации в Петербурге, с затухающей амплитудой расходились вначале по соседним губерниям, включая Олонецкую, и далее по империи. Примечательно, что отдельные дореволюционные авторы включали последнюю в состав Озерной области (наряду с Новгородской, Псковской и С-Петербургской губерниями). К сказанному следует добавить, что между столицей и губерниями Северо-Западного и Северного районов издавна существовали тесные экономические и социокультурные связи. Укрупнение объекта исследования дает нам возможность выявить общие для всего Северо-Запада тенденции и закономерности экономического и социокультурного развития.

¹⁰ Под капиталистической модернизацией понимается процесс ломки традиционно-аграрно-патриархального общества и формирования в его недрах основ индустриально-буржуазного типа общества, развернувшийся с начала 60-х гг. XIX в. Он включал три основных направления: распространение и утверждение рыночных, товарно-денежных отношений (экономическую модернизацию); обновление материально-технической базы в ходе завершающей стадии промышленной революции (индустриализацию); социальную модернизацию (демократизацию общественных и семейных отношений, формирование у городского населения, прежде всего властной «элиты» и части предпринимательского класса, светского, буржуазного менталитета). В рамках данных направлений модернизации протекали: структурная и функциональная дифференциации общества; индустриализация; урбанизация; бюрократизация; профессионализация; рационализация и другие подпроцессы. Выделяя данные направления, автор не проти-

вопоставляет капиталистической модернизации пореформенной модернизации, включающей первую как составную часть общего модернизационного потока, а подчеркивает тем самым общий вектор социально-экономического развития в сложном и противоречивом модернизационном процессе. Осуществляя модернизацию в целях преодоления технико-экономического отставания России от ведущих европейских держав и укрощения существующего строя, императорская власть вынуждена была проводить политику форсированного насаждения капитализма «сверху», причем делала это весьма непосредственно и избирательно по отношению отдельным отраслям экономики и сферам общественной жизни.

¹¹ Подсчитано по: Статистические таблицы Российской империи за 1858 г. – СПб., 1858. – С. 4–5; 18–19; 80–83, 108–109; 116–117; 276–278. Удельный вес городского населения подсчитан автором по след. источникам: Россия: Энциклопедический словарь. – Л., 1991. – С. 79; Санкт-Петербург. 1703–1917. – СПб., 2000. – С. 263.

¹² Миронов Б.Н. Социальная история. Т. 1. – С. 341.

¹³ Цит. по: Трофимов П.М. Очерки экономического развития Европейского Севера России. – М., 1961. – С. 227.

¹⁴ История предпринимательства в России. В 2-х т. – М., 2000; История экономического развития России: Учебное пособие / Под ред. А.К. Шуркалина. – М., 2000; Кузнецов В.Н. История предпринимательства в России: Учебное пособие. – СПб., 2001; Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М., 1997; Кузнецов В.Н. Роль Петербурга в капиталистической модернизации Российской империи в пореформенный период (1860–1890-е гг.) (К постановке проблемы) // Гуманитарные науки и гуманитарное образование: Сб.ст. – СПб.: Береста, 2003. – С. 99–111; Его же. Особенности социально-экономического развития Северо-Запада России во второй половине XIX в. // Экономические проблемы в истории России и пути их решения. Материалы Двадцать седьмой Всероссийской заочной научной конференции. – СПб., 2003 и др.

¹⁵ Лурье Ф.М. Петербург 1703–1917. – СПб., 2001. – С. 50; Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга. Очерки истории. Сборник статей / Под ред. М.Н.Барышникова. – СПб., 2002. – С. 50; Население Санкт-Петербурга по переписи 10 декабря 1869 года. Вып. 1. – С. 41; Статистический очерк Санкт-Петербурга. – СПб., 1894. – С. 7.

¹⁶ Петербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы. Т. 3 – СПб., 1868. – С. 64; Миронов Б.Н. Указ.соч. Т. 1. – С. 342; Санкт-Петербург: 300 лет истории. – С. 289; Даринский А.В., Старцев В.И. Указ.соч. – С. 143.

¹⁷ См.: Общая характеристика народного хозяйства дореволюционной России и его география. – Челябинск, 1959. – С. 26–27; Гуманитарные науки и гуманитарное образование. Сборник статей Санкт-Петербургского института гуманитарного образования. – С. 103.

¹⁸ Семенова Л.Н. Быт и население Санкт-Петербурга(XVIII век). – СПб., 1998. – С. 9; Петербург и его жизнь. – СПб., 1914. – С. 306.

¹⁹ Очерки истории Ленинграда. Т. 2 – М.-Л., 1957. – С. 128.

²⁰ Петербург и его жизнь. – СПб., 1914. – С. 306.

²¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб., 1900. – С. 129.

²² Барышников М.Н. Деловой мир Петербурга: Исторический справочник. – СПб., 2000. – С. 20–22.

²³ Кашенко С.Г. Реформа 19 февраля 1861 года на Северо-Западе России. – М., 1995. – С. 166.

²⁴ Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1987. – С. 62–64.

²⁵ Россия. Энциклопедический словарь. – Л., 1991. – С. 64–87, 252.

²⁶ Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1987. – С. 62–64.

²⁷ Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1987. – С. 61–64.

²⁸ Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1987. – С. 58, 63

²⁹ Петербург и его жизнь. – С.307

³⁰ Миронов Б.Н. Указ.соч. Т. 1 – С.337.

³¹ Михневич В. Указ.соч. – С. 256.

³² Миронов Б.Н. Указ.соч. Т. 1 – С. 338.

³³ Там же. – С. 344.

³⁴ Там же.

³⁵ Статистический очерк Санкт-Петербурга. Планы города и театров/ Приложение к изданию «Весь Петербург – адрес и справочная книга. СПб., 1894. С. 10; Даринский А.В., Старцев В.И. Указ.соч. – С. 136–137.